

Наш земляк поэт Алексей Ганин пробовал свои силы и в прозе. В 1923 году в журнале «Кооперация Севера» были напечатаны главы из романа «Завтра» и рассказ «Иван и корова», в котором ярко показана беспросветная жизнь крестьянина-бедняка Ванчаха Дементьева в дореволюционной России. Печатаем этот рассказ в некотором сокращении.

БОБЫЛЮ Ивану Дементьеву, по-деревенски Ванчахе Дохлому, приснилась несурзаца.

Сидит он будто бы ночью один-одинешенек на наземь, на мерзлой коровьей калышке, и смотрит в угол. Зачем он сидит — не знает, а идти ему тоже некуда.

Смотрит Ванчаха в темный угол — и ничего: куча черной соломы да гнилая грабельница.

Вверху на крыше дыра. В дыре метный столбик света бласитон, будто нога удавленника.

— Му-у-ух ты, Ванчаха, дохлый Ван-ча-ха, — вздыхает, чавкает кто-то в углу.

— Господи помилуй... Аминь, — поветрием несется в испуганной голове Ванчахи.

— Никак корова.

Хотел уйти, не мог. А уши все глубже врастают в тишину полуночи, и ясно: в углу кто-то стоит, грузно ворочается...

Смотрит Ванчаха в угол и впрямь видит: в углу, в темноте ворочается корова.

Жует корова гнилую солому, а сама уставилась глазами в мужикову душу, — совсем, как обиженный человек.

— Ишь ты. — будто ужищем, обида и страх охлестнули Ванчахины кукорки.

— Двор, кажется, мой гнидой. пошатнулся. Вон и дыра на крыше и стропила торчат, — все мое. Только откуда корова? — и пуще захлестывает его страхом.

Явственно видит теперь Ванчаха корову — сухую, однорогую, будто сухая валежина. то есть ту самую корову, что сдохла еще в позапрошлую зиму.

— Узнал? — кивает ему корова и человечески горворит:

— Крыша-то совсем пакнула, покрыл бы...

— Правильно. Крышенька сквозит, — пробует отпутиться Ванчаха. — Надо бы... только зачем? Живота у меня в хлеву не густо, рази вот что подо мной мерзлая коровья калышка... да, вправду молвить, и

Алексей ГАНИН Рассказ

ИВАН И КОРОВА

соломишки нету, а воровать поздновато уж... не к чему.

Шутит, а сам ни живой ни мертвый...

— Не ладно что-то... В этом же углу сдирал я с нее прикипевшую к ребрам шкуру...

— Верно, — поддакивает корова...

— И шкуру пропыл.

— Правильно.

«Перекреститься», — думает про себя Ванчаха, да забыл, где руки, а корова ближе подходит к нему, кивает ободранной головой, вздыхает.

— До-о-хлый, ты, дохлый.

— Ну, так что... Пусть я и дохлый, от слова не сбудется, — храбрится Ванчаха перед коровой...

— Только какая моя такая вина, что сдохла моя корова? Ну, шкуру я, справедлив, сдирал и деньги... и все такое... Так рази это обида? Было же, скажем, у меня настоящее крестьянское имя: «Иван Дементьев», сам земский, бывало, и тот «Ну, Иван Дементьев, сымай портки, пороть будем»... Ты понимаешь: Иван Дементьев. А теперь? Пропало... Остался один Ванчаха, да и тот с негожим, собачьим прозвищем... Вот и морокуй, ежели ты настоящая корова, кому обидней? Рази хрещеное имя шкуре чета?

— Верно. Дохлый... Правда твоя. — и пристальней смотрят друг на друга мужик и корова, будто судьбой меняются.

— Только гляди: моя судьба тебя не минует. Я тебя кормила, а ты меня от корму отучивал. За что ты пинками выгнал меня из зеленого яру? Рази трава — не хлеб коровий?

— Слово твое справедливо. Не спорю. Может, я и бивал тебя за покосные травы. Рази я спорю? Только в этом же самом яру, — я говорю тебе, корова, как богу, и врать мне не пошто, — соседи избивали меня чуть не до смерти. Десять проломни на голове оставили. Срамили, будто моя корова всю траву селенку выбила... Рази приятно?..

— Ты пинками, да батожьями избивал меня и в поле, и по засекам, и всюду...

— А меня? Рази только в зеленом яру меня били? Сколько раз избивали меня жердями да кирпичами на гульбищах, а за что?.. Я-то тебя за дело — не варжай, коровам на то и поскотина. чтобы в полях не мотались. А меня — просто для праздника били. Работы кулакам не было, да девки заглядывались. И по воле родительской меня били, и за подати у старости били, да еще как — исподволь, березиной прощенной. Э-эх!... А рази цареву службу ты знавала? Может, ваш брат — корова травы не видела естоль, как рожа моя зуботычин да ошлеушин...

— Верно...

— А пошто же я — Дохлый? Может, от господа бога мне тыщу-лет на житье положено, а я и полста не вытну... а помру, так и шкуру пропить некому...

Коровьи слезы — большие слезы... справедливо, а я вот забыл, какие у меня слезы. Ты помнишь, была у меня баба, царство ей небесное, хорошая баба. В ту зиму была она тягостная, на тех порах была уж, да не в час вышла. Теплое поило тебе понесла, да видит — ты подыхаешь, — перепугалась, с испугу загнулась за мерзлый приступок, упала, да тут и родила... Пригожий мальчишка вышел. Живой. Вырос бы, знаешь, тоже утеха родительская на старость. Да вот, поди ж ты, какая выпала неудача: ты сдохла, баба от тоски да от сухоты преставилась, а вскоре и сынка бог прибрал. Вершишь ли, корова, похоронит было не на что. А ведь ежели к слову, не сдохни ты, может, и баба моя жила бы, и сын мой уж тятюку кликал.

И такая пришибла его обида.

Хотел он, Ванчаха, по старой привычке дать ей пинка, топтать каблучицами. чтобы до грязи, да страхом взьерошило голову.

А корова поше оскалила широкое зубы. Яру мотнула головой, пырнула оставшимся рогом в Ванчахино брюхо и понесла...

И видит Ванчаха, несет его ободранная корова, будто вихрь, без пути, без дороги.

Кругом пустыри, да заналпы. да болота. Ни души, и небо черное, как яма...

И душно стало ему, от крови животной душно, от прелого мяса. И вскрикнул Ванчаха. И проснулся.

А в окно смотрело утреннее солнышко, ласковое, веселое.